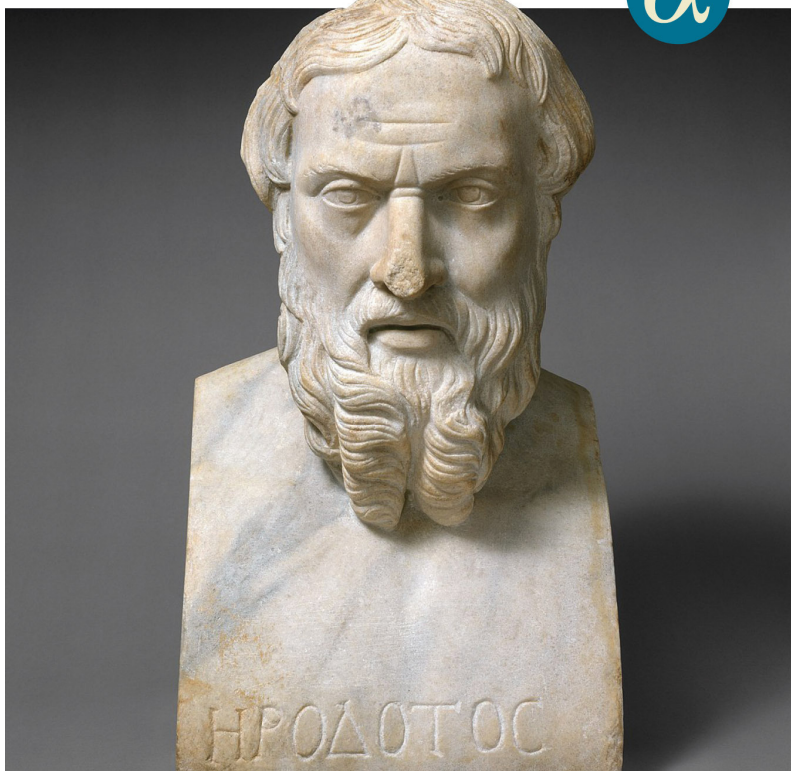

И. М. САВЕЛЬЕВА, А. В. ПОЛЕТАЕВ

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Ирина Максимовна Савельева
Андрей Владимирович Полетаев
Теория исторического знания

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67237005

Теория исторического знания: Изд-во «Алетейя»; СПб.; 2022

ISBN 978-5-91419-059-7

Аннотация

В учебном пособии анализируется эволюция теоретических подходов к историческому знанию от античности до наших дней, основные методологические проблемы историографии и способы их решения в современной исторической науке. Авторы рассматривают трактовку исторического пространства и времени, исторической истины, понятий события и структуры макро- и микроистории. Значительное место уделено вопросам становления метода исторического исследования в западной историографии. В книге отражены многочисленные трудности, возникшие в связи с разграничением областей исторического и социального знаний, которые разрешала историческая мысль на протяжении XIX-XX вв. Особый раздел посвящен взаимоотношению общества и исторической науки в современном мире.

Книга предназначена для преподавателей-историков, культурологов, социологов, обществоведов, аспирантов и студентов исторических факультетов.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Раздел I. История и время	11
Глава 1. Значения и смыслы «истории»	11
1. Античность: формирование значений	18
2. Средние века: эволюция смыслов	36
3. Новое время: смена приоритетов	52
4. Новейшее время (XX в.)	70
Конец ознакомительного фрагмента.	86

**И. М. Савельева,
А. В. Полетаев
Теория
исторического знания**

© И. М. Савельева, А. В. Полетаев, 2007

© Издательство «Алетейя. Историческая книга», 2007

**НЕЗАВИСИМЫЙ
Альянс**

Предисловие

Задачей учебного пособия является знакомство студентов гуманитарных факультетов и преподавателей истории с теорией исторического знания как формой специализированного научного знания с позиций современной методологии истории, социологии знания, аналитической философии истории. В пособии особое внимание уделено демонстрации специфики исторической науки: ее эмпирических и теоретических оснований, категориального аппарата и методологических принципов, предметного поля, когнитивных и социальных функций. В изложении последовательно реализуется ряд методологических принципов, обеспечивающих целостность исследования: системный подход, историзм и соотнесенность истории с другими формами социо-гуманитарного знания.

Новизна предложенной авторами концепции состоит в том, что историческое знание рассматривается как одна из форм знания о прошлом, а именно *общественно-научное знание о прошлой социальной реальности*. В настоящее время этот тип знания играет доминирующую роль в общей совокупности представлений о прошлом. Предлагаемый подход базируется на опубликованном авторами фундаментальном двухтомном исследовании «Знание о прошлом: теория и история» (СПб.: Наука, 2003–2006).

История в значении знания фигурирует как: 1) научное знание; 2) знание о социальном мире; 3) знание о прошлом. Первый смысл связан с определением по методу, второй – по предмету, третий – по времени, и в книге параллельно анализируются все три направления. В учебном пособии подробно рассматриваются генезис и эволюция базовых понятий, каковыми в данном случае выступают «история» и «прошлое». Анализируется их концептуализация и взаимосвязь в рамках философии познания и феноменологической социологии знания, а также вскрывается соотношение истории с другими формами знания о прошлом.

История осваивала свой предмет на протяжении тысячелетий. Наша задача состояла в том, чтобы представить предмет истории путем выделения основных компонентов социальной реальности – социальной системы, системы культуры и системы личности – подробного анализа дальнейшей диверсификации историографии. Процесс познания социальной реальности историками осуществлялся не только за счет экспансии, но и методом углубления в уже освоенную тематику. В пособии показаны новые ракурсы и нетрадиционные подходы к предмету, которые в современной исторической науке прослеживаются повсеместно – от всемирной истории до исторической биографии, от универсальной истории до такого инновационного направления историографии как микроистория. В развитие темы «предмет истории» в пособии описываются типы «исторического пространства»

и способы структурирования исторического времени.

Отдельный раздел посвящен проблемам исторической методологии. Анализ эмпирических и теоретических оснований исторической науки осуществляется в постоянном сопоставлении с другими социальными дисциплинами как по внешним, так и по внутренним параметрам. В сравнительно-генетическом ракурсе мы трактуем и проблему «исторической истины», которая анализируется в контексте философского и социологического дискурсов. Несколько глав посвящены становлению исторического метода в XIX–XX вв. В них последовательно рассматриваются основы исторического подхода – историческая критика, каузальность, историзм, интуитивизм и позитивизм, утвердившиеся в исторической науке к концу XIX в.; метаморфозы «исторического синтеза» вплоть до структурной истории второй половины XX в. и современная историческая наука с характерными для нее моделями междисциплинарного взаимодействия.

В заключительном разделе пособия обсуждаются проблемы отношений историков и общества в широком смысле, начиная с вопроса о социальных функциях истории. Мы подробно останавливаемся на философских и политических основаниях презентизма в историографии, проблемах «истории современности» и «историзации настоящего». Мы также уделяем внимание общей характеристике вненаучных форм знания о прошлом: архаичным образам мира и специализированным формам знания – религии, философии, идео-

логии и искусству. К этому же разделу мы отнесли анализ теоретических аспектов исследования социальных представлений о прошлом с позиций социологии знания, включая источники массовых исторических знаний.

Завершает книгу глава о новых вызовах со стороны общества, с которыми столкнулась историческая наука в последние десятилетия. Претензии к истории начали предъявлять представители других социальных и гуманитарных наук, идеологи, философы, производители медийного знания, чиновники государственных структур и разные группы гражданского общества. Историки отвечали на вызовы общества, и их ответы часто оказывались довольно неожиданными и позитивными для развития научного знания.

* * *

Данное учебное издание подготовлено на основании программ трех курсов, читаемых авторами: «Методология современного исторического знания: история и теория», «Проблемы исторического познания» и «Знание о прошлом: социологический подход». Авторы преподают их на факультетах философии и социологии Государственного университета – Высшей школы экономики, Москва и в Институте европейских культур, Москва. Лекционные курсы «Методология современного исторического знания» и «Проблемы исторического познания» относятся к базовым учебным кур-

сам социально-гуманитарного образования I цикла (Гуманитарные и социально-экономические дисциплины. Национальный-региональный компонент).

Учебное пособие соответствует курсу «Теория и методология истории», предусмотренному образовательным стандартом высшего профессионального образования по специальности 030401 «История» направления подготовки 030400 «История».

Раздел I. История и время

Глава 1. Значения и смыслы «истории»

Ныне история чаще всего определяется как «наука о прошлом человека и общества» или, в новейшей версии, как «наука о прошлой социальной реальности». Но это только одно из значений, которые имеет слово «история». Напомним, что, в соответствии с логико-семантической терминологией, всякое понятие характеризуется триединством: *знак* (в естественном языке – слово или словосочетание), *предметное значение* (денотат, означающее) и *смысл* (коннотат, означаемое), т. е. реализация значения в знаке. Говоря об «истории», следует иметь в виду, что как значения, так и, прежде всего, смыслы данного «знака» (слова) существенно менялись на протяжении трех последних тысячелетий.

В данной главе мы кратко рассмотрим, как установились значения слова «история» и происходил переход от одного смысла слова к другому. Речь идет, по сути, об эволюции понятий, конкретно – об истории понятия «история». Начать, естественно, следует с этимологии. Согласно абсолютно утвердившейся в лингвистике точке зрения, ионийское слово

«история» (ἱστορία) происходит «от индоевропейского корня *vid*, значение которого выступает в лат. *video* и русск. видеть. Как видно из греческих слов *οἶδα* «знаю» или *εἰδέναι* «знать», образованных от того же корня, слова с этим корнем обозначают не просто зрительное восприятие, но и познавательные процессы, что нетрудно заметить также и в русск. *ведать* и нем. *wissen*, относящихся уже окончательно к сфере мышления»¹.

«Концепция видения как значимого источника знания приводит к идее, что ἱστωρ, тот, кто видит, одновременно является тем, кто знает; ἱστορεῖν по-древнегречески означает “разузнавать (стараться узнать)”, “информировать кого-либо”. История, таким образом, – это расспрашивание (разузнавание)...»².

Первоначально (судя по дошедшим до нас текстам) возникает не само слово «история», а родственные слова — ἱστωρ и ἱστορέω. Словом «истор» («историк») обозначался человек, собирающий, анализирующий, оценивающий и пересказывающий некие сведения (некую информацию). Глагольная форма ἱστορέω означала либо видеть, либо собирать свидетельства или сведения, либо рассказывать об увиденном (свидетельствовать) или пересказывать полученные

¹ Тахо-Годи А. А. Ионийское и аттическое понимание термина «история» и родственных с ним // Вопросы классической филологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. Вып. 2. С. 112.

² Le Goff J. History and Memory. New York: Columbia Univ. Press, 1992 [1981]. P. 102–103.

свидетельства и сведения. Таким образом, это слово имело два основных значения: во-первых, «спрашивать», «допытываться», «искать» и т. д., указывая на «дознание», т. е. на выпрашивание или осведомление на основании того, что другой человек сам видел или испытал, во-вторых, «рассказывать, как очевидец, об увиденном».

Переходя к самому слову «история», заметим, что под ним мы будем подразумевать не только древнегреческое ἱστορία, но и соответствующие однокоренные созвучные существительные в других языках: латинском (historia), итальянском (storia), английском (history), французском (histoire) и русском (история). Отчасти сказанное ниже будет относиться и к немецкому языку, хотя слово Historie ныне практически не используется – в основном применяется слово Geschichte (но при этом сохраняются слова, родственные существительному Historie – Historiker (историк), historisch (исторический) и т. д.).

Вставка 1. Значения слова «история»

Древнегреческий. «ἱστορία: 1. расспрашивание, расспросы; 2. исследование, изыскание; 3. сведения, данные, наблюдения; 4. знание, наука, 5. история, историческое повествование, рассказ о прошлых событиях»³.

³ Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. / Сост. И. Х. Дворецкий. М.: Гос. изд-

Латынь. «Historia: 1) исследование; 2) сведение, знание; 3) повествование, рассказ, описание; 4) историческое исследование, история (*historia belli civilis* – история гражданской войны)»⁴.

Английский. «History: 1. история (*последовательность событий*); прошлое; 2. 1) история (*описание последовательности событий*); 2) история, историческая наука; курс истории»⁵.

Русский. «История: 1) процесс развития в природе и обществе; 2) комплекс общественных наук (общественная наука), изучающих прошлое человечества; 3) ход развития чего-либо; 4) прошлое, сохраняющееся в памяти людей; 5) рассказ, повествование; 6) происшествие, событие, случай»⁶.

Ясно, что в разные эпохи и в разных культурах даже в рамках одного и того же языка значения, как и смыслы этого слова, могли существенно варьироваться, поэтому здесь мы, естественно, можем дать только самое общее и краткое представление об этом вопросе. Анализ *значений* слов относится прежде всего к ведению филологов (лингвистов), а изучение *смыслов* является прерогативой историков, культурологов и

во иностр. и нац. словарей, 1958. Т. 1. С. 839.

⁴ Латинско-русский словарь / Сост. А. М. Малинин. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. С. 300–301.

⁵ Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. / Рук. А. Д. Апресян. М.: Русский язык, 1993. Т. 2. С. 153.

⁶ Словарь иностранных слов / Ред. Ф. М. Петров и др. 15-е изд. М.: Русский язык, 1988. С. 203–204.

философов. В частности, в словарях фиксируются в первую очередь предметные значения, а не смыслы слов (см. *Вставку 1*).

В самом общем виде можно выделить три основных значения, в которых слово «история» использовалось на протяжении более двух с половиной тысячелетий:

- 1) вид знания;
- 2) вид текста (в широком значении – дискурс, нарратив, связный набор высказываний и т. д.);
- 3) вид реальности (элемент, совокупность элементов, процесс), совокупность событий.

В терминологии Нового времени можно сказать, что в применении (в том числе и в наши дни) слова «история» наблюдается устойчивая ситуация, при которой одним словом одновременно обозначается объект и знание об этом объекте. Подобная путаница отчасти существует и в других областях – например, словами «мифология», «экономика» или «психология» может обозначаться как объект, так и знание о нем. Но только применительно к «истории» такое смешение достигает абсолюта и, что самое интересное, наличествует едва ли не во всех основных европейских языках, как в романских, так и в славянских (ср. лат. *historia*, фр. *histoire*, англ. *history*, итал. *storia*, русск. история и т. д.).

Для различения знания об объекте и самого объекта слово «история» иногда дополняется второй частью – «графия», т. е. описание (подобный прием используется во многих язы-

ках – ср. англ. historiography, итал. storiografia, русск. историография), но это не полностью решает проблему. Во-первых, слово «история» продолжает употребляться для обозначения некоего знания наряду со словом «историография», во-вторых, «историография» часто используется в более узком смысле – как знание о развитии «исторических» знаний или как история изучения какой-либо проблемы.

Такая сохраняющаяся неопределенность связана и с тем, что у слова «история» остается (в отличие, например, от «психологии»), не два, а три значения: знание, текст и реальность. Эти значения взаимосвязаны: текст является реальностью, а социальная реальность включает в себя тексты; знание выражается в текстах, а тексты представляют собой объект знания; знание отображает реальность и одновременно конструирует ее. Наличие у слова «история» трех значений, стихийно сложившихся еще в древности, в XX в. было концептуализировано в рамках социологии знания, семиотики и философии (прежде всего, в феноменологии и герменевтике). Быть может, именно поэтому с конца XIX в. «история» неизменно оказывается в центре самых разнообразных теоретических и методологических дискуссий.

Различение трех значений наглядно проявляется в рамках системы человеческих действий – можно «писать историю» (текст), «заниматься историей» (знание), «творить историю» (реальность) и т. д. Возможны и другие варианты: можно сравнить, например, различие между выражения-

ми «писать историю» (текст) и «описывать историю» (реальность). А, скажем, выражение «изучать историю» в равной мере может относиться и к истории-знанию, и к истории-реальности.

Впрочем, даже разделение трех значений слова «история» – историческое знание, исторический текст и историческая реальность – оставляет открытым вопрос о смыслах, которыми наполняются эти значения. Говоря о смысле, мы имеем в виду конкретное содержание данного значения, его специфику, характерные особенности, которые позволяют отличить слово «история» в данном значении от других слов с тем же значением. Первое, наиболее наглядное многообразие смыслов, затрудняющее трактовку понятия «история» во всех трех значениях, связано с использованием данного термина как в единичном, так и в общем смысле.

В значении «текста» понятие «история» используется в настоящее время в основном в единичном смысле для обозначения конкретного текста (рассказа, дискурса). Однако в эпоху античности более распространенным был общий смысл, обозначающий литературный жанр в целом. Так, Аристотель, например, противопоставлял историю и поэзию. Но в Новое время для обозначения общего смысла истории-текста это понятие стали доопределять, обозначая его как «историческая литература», «историческая проза».

В значении «знания» термин «история» используется ныне в основном в общем смысле, а для более конкретных

смыслов вводятся дополнительные определения по предмету знания (история Рима, Нового времени, Второй мировой войны и т. д.).

Наконец, в значении «реальность» термин «история» фигурирует в равной мере и в единичном, и в общем смысле. Первый смысл особенно распространен в обыденном языке (случилась история, произошла история), второй чаще используется в профессиональной лексике (история человечества и т. д.).

В данной главе мы кратко охарактеризуем эволюцию смыслов трех основных значений слова (термина) «история». При этом, естественно, следует иметь в виду, что если лингвистическая реконструкция значений слова «история» может быть признана относительно надежной, то историко-философская и культурологическая реконструкции смыслов в большинстве случаев имеют субъективный характер.

1. Античность: формирование значений

Анализ значений и смыслов «истории» в эпоху античности вызывает особую сложность. Во-первых, в рамках античности как определенного временного периода в развитии европейской культуры, охватывающего примерно тысячелетний отрезок времени (с V в. до н. э. по IV–V вв. н. э.), можно выделить, по крайней мере, три историографических тра-

диции – греческую, римскую и иудейскую (начиная с эпохи эллинизма, когда отдельные иудейские авторы начинают писать на греческом языке). С хронологической точки зрения сюда же относится и начальный период становления христианской традиции, впитавшей в себя три «национальные» традиции. Поэтому с целью некоторого упрощения изложения здесь мы ограничимся только греческой и римской историографией.

Во-вторых, применительно к этому периоду приходится опираться на крайне скудные источники. Эти источники хорошо известны, поскольку они неизменно цитируются в любых работах по истории историографии и сводятся к отдельным фразам, в лучшем случае – небольшим фрагментам текста, непосредственно посвященным понятию «история». Естественно, что из этих отрывочных соображений, высказанных разными авторами на протяжении нескольких сотен лет, никакого систематического представления о смысле, который придавался историческому знанию, составить невозможно. Не слишком проясняет ситуацию и анализ сочинений, которые в античности именовались «Историями»: как правило, им пытаются приписывать сегодняшние смыслы. Одним из проявлений этого является тот факт, что одни и те же сочинения, написанные в античности, историки именуют «историографией» (Александр Немировский), философы – «философией истории» (Алексей Лосев), а филологи – «исторической прозой» (Михаил Гаспаров).

И все же в эпоху античности доминирующим значением слова «история» как в греческом, так и в латинском было значение «текста». Значения истории-знания и истории-реальности играли вторичную или даже периферийную роль в античной культуре, являясь производными от истории-текста.

Смыслы «истории» как текста естественным образом делятся на три семиотические группы – синтаксические, семантические и прагматические. С синтаксической точки зрения «история» выступала как относительно самостоятельный литературный жанр, обладающий довольно жестко заданными параметрами. Речь шла об определенной стилистике, композиции, форме изложения материала (хотя синтаксические смыслы «истории» как текста менялись во времени, да и в рамках одной эпохи жанровые каноны были отнюдь не абсолютными).

С точки зрения семантики «исторические» тексты довольно рано приобретают смысл «истины» или, в современных терминах, определяются как тексты, содержащие истинные высказывания, прежде всего, высказывания о существовании, суть «факты». И хотя на практике «исторические» тексты могли не соответствовать критерию истинности (что иногда прямо признавали и сами их создатели), этот смысл остается одним из основных вплоть до наших дней. Семантический смысл «истории-текста» выступал в качестве основы для формирования второго значения, а именно, «исто-

рии-реальности».

Наконец, что касается прагматической составляющей, то исторические тексты были призваны выполнять определенные функции, в общем виде – «приносить пользу». Эта польза была непосредственно связана с содержащимся в исторических текстах знанием. Таким образом, прагматические смыслы «истории-текста» служили основой для формирования значения «истории-знания».

История-текст

Как отмечалось выше, в значении истории-текста «история» может иметь общий и конкретный смысл. С одной стороны, «история» обозначала конкретный текст (дискурс, рассказ), с другой – определенный тип текстов (литературный жанр). Практически все высказывания по поводу «истории», которые можно найти в сочинениях античных и средневековых авторов, связаны с обсуждением именно проблемы истории-текста в общем смысле.

Первые «исторические» тексты еще могли иметь поэтическую форму. В этом проявлялась связь «истории-текста» с ее непосредственными предшественниками – героическим эпосом и гимнической, т. е. прославляющей, поэзией. Предшественниками истории как прозаического литературного жанра считаются произведения ионийских писателей в Греции (в их числе Геродот из Галикарнаса). В аттической Гре-

ции первоначально этих писателей именовали просто «логографами» (прозаиками), такое обозначение использует, в частности, Фукидид в конце V в. до н. э. При этом сами логографы не использовали слово «история» не только в названиях своих работ, но даже в тексте. Геродот, по преданию, называл свое сочинение «Музы». (На основе этого предания в III в. alexandрийские публикаторы разделили работу Геродота на девять глав, приписав каждой главе имя одной из муз, а всю работу озаглавили «Ἱστοριῶν βιβλία εννεα», что на русский язык можно перевести как «Девять книг историй»).

Сам Фукидид, хотя и проводил различие между жанром произведений «логографов» и своим трудом, также еще не обозначал его как «историю». Более того, ни Фукидид, ни его продолжатель Ксенофонт также не употребляли слово «история» ни применительно к своим сочинениям, ни в самом тексте. Фукидид именует свое произведение как ξυνέγραφε (в других вариантах написания – συγγράφη, συγγραφή), которое и переводится обычно как «история». Что касается Ксенофонта, то его труд, именуемый в русском переводе как «Греческая история», насколько можно судить по сохранившимся источникам, вообще назывался «Элленика».

В сохранившихся текстах впервые слово «история» для обозначения определенного литературного жанра встречается только в середине IV в. до н. э. у Аристотеля в «Поэтике»,

там же он впервые называет Геродота «историком» в значении «автор исторического сочинения». Это обозначение широко распространяется в эпоху эллинизма, т. е. в III–I вв. до н. э., когда историография становится едва ли не основным прозаическим жанром в греческой литературе. Только в эллинистический период появляются труды, использующие слово «история» в названии: именно тогда оно приписывается к сочинениям более ранних авторов – Гекатея, Геродота и др., – и их устойчиво начинают называть «историками».

Считается, что если греческая «история-текст» выросла из произведений писателей-прозаиков, то предшественником римской «истории» были так называемые анналы, т. е. выставлявшиеся ежегодно перед резиденцией великого понтифика доски с записью имен высших чиновников и важнейших событий года, как то: лунных и солнечных затмений, знамений, позднее – сведений о повышении цен, войнах и т. д. Предполагается, что между 130 и 114 гг. до н. э. эти записи были сведены Публием Муцием Сцеволой в 80 книг «Великих анналов», которые и послужили основой для Тита Ливия.

Римская историческая проза складывается во II–I вв. до н. э., но получает наиболее полное воплощение в период Ранней империи в так называемой «риторической истории». Цель риторической истории, наиболее близкой к художественной литературе, – воссоздание внешней картины событий во всей их яркости и живости. Внутри этого направления

имеются две тенденции – эпическая и драматическая; первая тяготеет к широте и обстоятельности, вторая – к глубине и напряженности; образец первой – Ливий, второй – Тацит.

Со стилистической точки зрения к исторической прозе, как к греческой, так и к латинской, предъявлялись весьма высокие требования. Исторические сочинения, как любой *литературный жанр*, должны были соответствовать определенным правилам и приемам изложения – как общелитературным (например, использование тропов – гипербол, метафор и проч.), так и специфичным для данного вида литературных произведений или текстов.

Поскольку история выступала в качестве рода литературы, античные авторы неоднократно писали об истории как о самостоятельном жанре. В простейшем и наиболее известном виде это сводилось к различию истории и поэзии у Аристотеля, которое позднее было повторено Цицероном, но существовали и более сложные варианты. Так, Полибий проводил различия между историей, с одной стороны, и трагедией и риторикой – с другой. Лукиан подчеркивал отличие истории от похвального слова (энкомия), поэзии, философии, риторики и мифологии.

О литературных требованиях к истории-тексту рассуждал, в частности, Цицерон (106–43 гг. до н. э.) в трактате «Об ораторе», подчеркивая отличие настоящей «художественной истории» от «простого рассказа о событиях». Много внимания уделено синтаксическим (стилистическим) характери-

стикам исторической прозы, «языку и способу изложения» в известной работе Лукиана из Самосаты (ок. 120 – ок. 180 н. э.) «Как следует писать историю».

Тем не менее, несмотря на важность, которая придавалась художественным (синтаксическим) характеристикам исторической прозы, они не были решающим критерием для демаркации истории и других литературных жанров: гораздо более существенными считались семантические и прагматические параметры истории-текста.

История-реальность

Поскольку основным значением «истории» был «текст», то проблема «истории-реальности» обсуждалась преимущественно в рамках значения «истории-текста». По существу античные авторы уже поставили проблему соотношения текста и реальности.

Во-первых, немного актуализируя античное понимание «истории», можно сказать, что в нем, пусть в зачаточной и неявной форме, присутствовало интуитивное осознание того, что реальность (по крайней мере социальная) не мыслится вне текста.

Во-вторых, было введено различие между «реальностью» и «вымыслом». Традиционная топика всех дошедших до нас рассуждений об истории (историях-текстах) – это требование описания того, что «было на самом деле». К истории от-

носились тексты, отображающие «реальность», а к другим литературным жанрам (к художественной литературе, в современной терминологии) – тексты, создающие «вымысел».

Разделение литературы на историю и все прочие литературные жанры соблюдалось довольно строго. Никто не считал «Илиаду» или «Энеиду» принадлежащими к жанру «истории», равно как никто не называл Гомера или Вергилия «историками». Причем историческая литература (история-текст) отличалась от других жанров не столько синтаксическими параметрами (хотя они тоже играли определенную роль), сколько семантическими. Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что отличие исторических текстов от «художественной литературы», т. е. поэзии, трагедии и т. д., определялось типом описываемой (конструируемой) в этих текстах реальности – соответственно, «действительной» и «вымышленной». По существу впервые эта мысль прозвучала у Аристотеля в «Поэтике», где он писал, что историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой, а тем, что один говорит о том, что было, а другой – о том, что могло бы быть.

В эпоху эллинизма возникают более изощренные подходы к проблеме «вымысла» и «реальности». Так, уже по крайней мере во II в. до н. э. появляется троичная классификация повествований, которые подразделяются на истинные (история), «как бы» истинные, т. е. описывающие нечто возможное (вымысел) и заведомо ложные (сказки, мифы). Эта схе-

ма получила свое каноническое оформление в римской риторике у Марка Фабия Квинтилиана (ок. 35 – ок. 96 гг. н. э.).

Потребность в текстах, изображающих реальность, определялась, конечно, в первую очередь прагматическими соображениями – стремлением к накоплению социального опыта, формированию образцов поведения и т. д. Но существовало и еще одно обстоятельство, которое часто ускользает от внимания исследователей: рассказы очевидцев или рассказ о том, «что было на самом деле», во многих случаях вызывает не меньший, а то и больший интерес слушателей / читателей.

В полной мере это относится и к профессиональным текстам: со времен античности интерес к действительно произошедшим событиям не уступает, а зачастую и превосходит интерес к событиям вымышленным. Потребность и интерес общества к текстам, описывающим «действительную реальность», постоянно питает стремление авторов выдавать тексты, описывающие / конструирующие *вымышленную* реальность, за тексты, описывающие / конструирующие *подлинную* реальность (в современной англоязычной терминологии эти два типа текстов обозначаются, соответственно, как «fiction» и «non-fiction»).

Уже в античности было написано множество произведений, которые их авторы именовали «историями» (описаниями «реальности»), но по существу они являлись разновидностью «вымысла» или «художественной прозы». Многие из этих авторов не скрывали наличия «вымысла» в своих

текстах, и использование слова «история» в названиях было скорее формой литературной игры (как, например, «Пестрая история» Элиана). Но вместе с тем все чаще стали появляться фальсификаты, авторы которых сознательно пытались ввести читателя в заблуждение, выдавая вымысел за действительность путем придания этому вымыслу статуса «исторического текста». Наглядный пример – знаменитые фальсификаты «истории» Троянской войны, появившиеся в Риме в первые века н. э.

Речь идет о работах, якобы написанных непосредственными участниками Троянской войны: «Дневнике Троянской войны» Диктиса с Крита и «Истории о разрушении Трои» Дареса (Дарета, Дария) Фригийца, которого упоминает Гомер в начале 5-й песни «Илиады» (ст. 9–11), и который также упомянут в «Энеиде» Вергилия. Оба фальсификата были изготовлены, по-видимому, во II в. н. э. и написаны по-гречески, а затем были переведены на латинский. Обоим сочинениям, в лучших литературных традициях, были предпосланы предисловия переводчиков, в которых излагались захватывающие истории о том, как были «найжены» эти рукописи, принадлежащие «очевидцам» Троянской войны.

В течение тысячи лет (до самого XVII в.) слава Дареса и Диктиса затмевала славу Гомера, который был практически неизвестен в средневековой Европе. На эти работы опирались историки от Исидора Севильского до Жана Бодена, и их использовали в качестве «исторической» основы авторы

множества литературных произведений⁷.

История-знание

Древнейшим значением слова «история» является «познавательный акт» или «процесс познания». В таком значении слово «история» впервые встречается в работах ионийских философов: например, у Фалеса «история» – это «исследование». Особенно употребительным это значение становится в аттической Греции в IV в. до н. э.: у Платона «история» означает «познание» (например, «познание природы»); у Аристотеля «история» – это «познание» или «исследование» как процесс (например, «исследование души»); у Демосфена «история» означает «понимание» и т. д. Несколько позже возникает значение «истории» уже не как процесса познания, а как «знания». При этом в Древней Греции доэллинистического периода слово «история» в значении знания применялось для обозначения самого разнообразного, если не сказать любого, знания, включая знание о природе.

В Древней Греции и Риме «история» в значении знания имела не общий, а конкретный смысл, соотнесенный с определенным текстом, который, соответственно, и «изучала история». Именно так, по мнению французского историка Ан-

⁷ В 1997 г. работа Дареса была издана в России (Дарет Фригийский «История о разрушении Трои»), но уже, естественно, как произведение позднеримской литературы, относящееся к жанру так называемых «мифологических романов».

ри-Ирене Марру, «история» изучалась в эллинистической Греции в рамках грамматических занятий в школах. Главная часть школьных упражнений в области «истории» состояла в анализе текстов (причем не только прозаических, но и поэтических). Вначале проводился лексический анализ (специфический словарь данного поэта или прозаика), затем морфологический анализ (стилистические формы и этимология). Лишь после этого начиналось изучение содержания текста.

«Просвещенный человек и даже хорошо воспитанный ребенок должны были знать, что за человека или место упомянул поэт... Ученость полностью подчиняла себе образование и культуру: нужно было знать, например, список людей, воскрешенных искусством Асклепия, или что Геракл вышел лысым из чрева морского чудовища, которое проглотило его, когда он хотел спасти от него Гесиону...»⁸

Но, несмотря на доминирование «филологических» представлений об «истории», в эпоху античности наметились и некоторые гносеологические подходы к «истории-тексту». Иными словами, целый ряд авторов пытался сформулировать, какое именно знание должно содержаться в «исторических» текстах. Эта смысловая линия была связана с на-

⁸ *Марру А.-И.* История воспитания в античности (Греция) / Пер. с фр. М.: Греко-латинский кабинет, 1998 [6 ed. 1965, 1 ed. 1948]. С. 234–235.

значением «исторического знания», его прагматической или функциональной составляющей.

Основная функция истории-текста – приносить пользу, в отличие от «художественной литературы», которая должна доставлять удовольствие: об этом писали Фукидид (хотя и не используя слово «история»), Полибий, Цицерон, Квинтилиан, Лукиан.

Понятие «пользы» исторических сочинений связывалось в первую очередь с «сохранением памяти о деяниях». Можно сказать, что речь шла о фиксации социального опыта и о соответствующем накоплении знаний, которые могут пригодиться в будущем. С «функциональной» точки зрения история, прежде всего, подразделялась на два направления, которые можно обозначить как социально-политическое и морализаторское.

В рамках социально-политического направления «история» трактовалась как знание, предлагающее способы решения текущих проблем – например, в области военного искусства, государственного управления, внутренней и внешней политики. Поэтому особое значение придавалось не только правдивому и точному описанию произошедшего, но и воссозданию внутреннего смысла событий, их причинно-следственной связи, т. е. пониманию смысла происходящего – особенно четко эту линию проводил Полибий, но она встречается и у Цицерона, и у Лукиана.

Если политическая история пыталась объяснить функци-

онирование социального мира, то морализаторская историческая проза ставила задачу формирования моральных образцов поведения. Впрочем, «обществоведческая» функция часто смыкалась с морализаторской.

Но независимо от конкретных функций, приписываемых историческому знанию, его спецификация шла по трем направлениям: методу, предмету и времени, определявших семантическими и прагматическими параметрами исторических текстов.

Метод (каким образом). Поскольку история-текст, в соответствии с приписываемыми ей семантическими и прагматическими характеристиками, должна была описывать реальность, «то, что было на самом деле», эта установка подкреплялась определенными методическими правилами, призванными обеспечить соответствие семантическим и прагматическим требованиям.

Прежде всего, требовалось использовать надежные источники. Здесь большинство следовало классическим формулировкам Геродота, излагавшего «сведения, полученные путем расспросов» (στορίης ἀπόδεξις), и Фукидида, который писал «на основании свидетельств» (ἐκ τεκμηρίων), т. е. «записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других, после точных, насколько возможно, исследований (проверок)».

Позднее в качестве «источника» начинают выступать предшествующие тексты – например, римские анналы или

более ранние «исторические» тексты. Но и в этом случае конечным источником сведений остаются личные наблюдения. Таким образом, иерархия «источников» по степени надежности выглядела следующим образом: увиденное лично; услышанное от тех, кто видел лично; прочитанное у тех, кто видел лично и т. д.

Второе требование, которое опять-таки было сформулировано еще Фукидидом, – критическое отношение к рассказам «очевидцев», если к таковым не принадлежал сам автор. Позднее к этому добавляется и требование критического отношения к письменным текстам, используемым в качестве источника.

Третье методическое требование, предъявлявшееся авторам исторических сочинений, состояло в том, что они должны излагать сведения, во-первых, правдиво, во-вторых, беспристрастно («без гнева и пристрастия», пользуясь выражением Тацита), в-третьих, без боязни власть предержащих, и т. д. Иными словами, историки должны были продуцировать «чистое знание», незамутненное никакими личностными или социальными факторами.

Предмет (о чем). Вторая смысловая линия «истории» в значении знания была связана с предметной областью. С предметной точки зрения «историческое знание» могло также иметь самые разнообразные смыслы, охватывающие любые компоненты божественной, природной и социальной реальности. Достаточно вспомнить такие известные работы,

как «История животных» Аристотеля, «История растений» его ученика Теофраста или «Естественная история» («История природы») Плиния Старшего. Точно так же многие исторические сочинения, особенно в доэллинистическую эпоху, включали описание божественной реальности – теогонии, теокрасии и т. д. Но постепенно доминирующей темой исторических сочинений становятся события социальной жизни, т. е. человеческие действия или «деяния» (*res gestae*).

Объектами исторических сочинений были социальная система, культура и личность, хотя им уделялось разное внимание. Основной интерес вызвала социальная система, при описании которой в античном мире различали большую форму исторического повествования, т. е. историю всех событий за сравнительно большой период времени, и малую форму – монографию, посвященную какому-либо конкретному событию. Объектом «малых» историй служили прежде всего военные и политические события (классическими примерами являются работы Саллюстия «Югуртианская война», «Заговор Катилины» и др.). В меньшей степени историки интересовались культурой, исключение составляла, пожалуй, лишь история искусства. До некоторой степени этот пробел компенсировался в истории личностей – весьма популярные в античности биографические произведения в основном, конечно, посвящались политическим деятелям, но все же достаточно распространены были и биографии «деятелей культуры» – философов, ораторов, историков и т. д.

Время (когда). Несмотря на то, что в античности были, по сути, заложены основы современной хронологии, это, как ни странно, мало повлияло на историю. Никакого акцента на прошлом в античных «Историях» не было: прошлое присутствовало в них лишь в том смысле, что любое событие к моменту рассказа о нем уже оказывалось прошлым!

Более того, семантические и прагматические характеристики исторических текстов требовали ориентации на настоящее (точнее, на ближайшее или «актуальное» прошлое). Описание увиденного и пережитого самим автором обеспечивало «истинность», а осмысление недавних событий увеличивало пользу истории. Поэтому большинство авторов подчеркивало, что история должна описывать настоящее или ближайшее прошлое. Едва ли не единственное исключение – это высказанное Цицероном в одном из его ранних сочинений («О нахождении») замечание о том, что «история занимается деяниями, находящимися за пределами нашего времени» (*historia est gesta res, ab aetatis nostrae memoria remota*)⁹.

Именно важность «актуальной», «современной» истории подчеркивал Полибий, проводя различие между своей «прагматической» историей, с одной стороны, и генеалогической историей (под которой он подразумевал, пользуясь современной терминологией, этиологические и героические мифы) и историей, посвященной переселению народов, ос-

⁹ Cicero. De Inventione I.21. <http://scrineum.unipv.it/wight/invs1.htm>.

нованию городов и развитию колоний, – с другой. Два последних вида истории относились к отдаленному прошлому, и именно этим, в первую очередь, отличалась от них прагматическая история.

* * *

В целом говорить об античной «истории» (в значениях вида знания и фиксирующих это знание текстов) можно лишь с очень большой натяжкой. Если, например, под философией, религией, математикой, моралью как типами знания имелось в виду примерно то же самое, что и сейчас (мы оставляем в стороне конкретное содержание соответствующих видов знания), то под «историей» как видом знания понималось нечто совершенно отличное от современного смысла этого слова.

2. Средние века: эволюция смыслов

Значения и смыслы «истории» в эпоху раннего Средневековья во многом определялись римской традицией. Кроме того, некоторые смыслы были восприняты из иудаизма: начиная с эпохи эллинизма, отдельные еврейские авторы стали писать по-гречески и также использовали слово «история». Но поскольку эпоха Средних веков, как и античность, охватывает более чем тысячелетний период, смыслы «исто-

рии» существенно менялись на протяжении этого времени, и в позднем Средневековье они уже заметно отличались от античных.

История-текст

Доминирующие позиции «текстового» значения «истории» в полной мере сохранялись в эпоху христианского Средневековья, особенно в первые века христианства. Поскольку первые христианские историки, хронологически писавшие еще в эпоху античности, просто следовали традициям римской историографии, «история» по-прежнему воспринималась, прежде всего, как определенного рода текст. Например, Сократ Схоластик (1-я половина V в.) писал, что он будет «подчиняться законам истории, которые требуют простого и правдивого изложения».

В некотором смысле позиции «истории-текста» не только не ослабли, но даже укрепились. Во-первых, практически прекратилось обсуждение проблемы разделения истории и «художественной литературы» (поэзии, трагедии и т. д.), поскольку последняя на несколько столетий фактически перестала существовать и, по сути, начала возрождаться лишь в XII–XIII вв. Во-вторых, ввиду исчезновения гражданского ораторского искусства и замены его проповедью, потеряла актуальность и проблема различения истории и риторики (хотя само понятие риторики как правил построения пись-

менного или устного текста / нарратива в целом сохранялось).

Средневековые авторы заимствовали у античных историков целый ряд литературных приемов, например, характеристики исторических личностей с помощью вымышленных речей. Правда, если в античности эти вставки давались в виде косвенной речи, то в Средние века – в форме прямой речи, что было грамматически проще. Широко использовались такие приемы, как сравнительные или параллельные характеристики тех или иных исторических личностей. Биографические описания строились также по принятым в римской историографии канонам; особый раздел биографии составляла оценка характеризующей личности, ее осуждение или, чаще, восхваление (*elogium*).

Как и в античной истории, обязательным приемом являлось описание (*descriptio*) местности, города, природных катаклизмов, несчастных случаев, кровавых битв. Из античной историографии средневековые авторы усвоили также интерес к этимологическим объяснениям названий стран, городов, народов (Британия произошла от Брута, сына троянского царя Приама, и т. д.). Наконец, были обязательны к употреблению риторические тропы и фигуры: метафоры, гиперболы, риторические вопросы, патетические восклицания, антитезы.

Следуя традиции, заложенной христианским историком Евсевием Памфилом (263–339 гг.) и его грекоязычными по-

следователями, средневековые авторы вплоть до Беды Достопочтенного довольно активно использовали слово «история» в названиях своих сочинений по «церковной истории» (*historia ecclesiasta*). Но с VIII в. этот термин все реже употребляется при обозначении текстов, и его постепенно вытесняет название «хроника», сначала как менее притязательное, а впоследствии – и как более «строгое». Вновь слово «история» входит в употребление в XII в.: в это время его начинают использовать странствующие по Европе певцы – жонглеры, менестрели, шпильманы, которые в том числе стали рассказывать «истории». Еще в XII в. этих «рассказчиков историй» причисляли, наравне с проститутками, к «слугам Сатаны» (*ministri Satanae*), а Иоанн Солсберийский (ум. 1180) писал в своей «Металогике», что поэты и рассказчики историй «почитались презренными людьми, и если кто прилежно занимается трудами древних, был на дурном счету и смешон для всех».

Но в XIII в. после (или вследствие) авторитетного разъяснения Фомы Аквинского, что жонглеры, которые воспевают деяния государей и жития святых, давая людям утешение в их горестях, не подлежат церковному преследованию и заслуживают покровительства, «история» как дискурс теряет уничижительный оттенок и уравнивается в правах с хроникой. На первый план начинают выходить художественные достоинства исторических текстов. Так, Гервасий Кентерберийский (ум. ок. 1210), проводя в своей «Англосаксонской

хронике» различие между историей и хроникой, писал, что цель у историка и хрониста одна, так как оба стремятся к истине, а форма сочинения различна, так как «историк распространяется подробно и искусно, а хронист пишет просто и кратко».

«Исторические тексты» появляются вместе с возрождающейся после многовекового отсутствия художественной литературой и, по сути, во многом оказываются частью этой литературы. При этом полностью игнорируются античные каноны различия между «историей» и «художественной литературой», в том числе поэзией. Соответственно меняются и функции истории: она, как развлекательное чтение, начинает приносить не столько «пользу», сколько «удовольствие».

Начиная с XIII в. одним из основных способов популяризации истории является стихотворная форма повествования, притом главным образом на народном языке, а не на латыни, – прежде всего, во Франции и в Германии. Правда, большинство этих исторических поэм называлось «хрониками», хотя иногда они обозначались как «истории» (например, «История священной войны» Амбруаза). В том же XIII в. впервые появляются истории военных походов, прежде всего крестовых, написанные мирянами – непосредственными участниками событий. Одна из первых работ такого рода – «История завоевания Константинополя» Жоффруа де Виллардуэна, маршала Шампани. Позднее, в XIV–XV вв., этот жанр трансформируется в так называемые рыцарские хрони-

ки, и слово «история» постепенно перестает использоваться в подобных сочинениях.

Наконец, в XV в. происходит возрождение античного понимания «истории» как особого жанра, и она снова отделяется от «художественной литературы». В этой связи весьма показательны, что первыми произведениями гуманистической историографии в эпоху Возрождения оказались работы представителей итальянской «риторической школы», основателем которой был известный флорентинский историк Леонардо Бруни (1369–1444). Его главное историческое сочинение, послужившее образцом для большинства историков «риторической школы», – «Двенадцать книг историй народа Флоренции» (*Historiarum Florentini populi libri duodecim*, 1416–1444), охватывает период с момента основания Флоренции до 1404 г.

«Риторическая школа» XV в. была представлена блестящими по форме историческими произведениями. В этом веке появляются и первые рассуждения об «искусстве истории» (*ars historica*), в одном ряду с *artes rhetorica et poetica*, но пока еще представлявшие собой лишь вариации на тему классических высказываний Аристотеля, Цицерона, Дионисия Галикарнасского, Квинтилиана и Лукиана.

История-реальность

Хотя в эпоху Средневековья значение «текста» остава-

лось доминирующим применительно к «истории», семантические критерии этого рода литературы практически сошли на нет; почти полностью прекратились и дискуссии относительно достоверности или правдивости исторических текстов. Дело в том, что создание этих текстов стало едва ли не исключительно прерогативой клириков, занимавших отнюдь не самые низшие ступени церковной иерархии, или монахов, облеченных полномочиями высших иерархов, т. е. людей «проверенных и надежных». Поэтому написанные ими исторические сочинения признавались правдивыми (истинными/правильными) просто в силу авторитета церкви.

Поскольку значительная часть текстов включала описание божественной реальности (точнее, ее проявлений в социальной и природной реальности, включая различного рода чудеса, знамения, откровения и пр.), то проблема истории как текста, изображающего действительно имевшие место события, отошла на второй план. Наконец, распространение в XIII–XIV вв. поэтических («художественных») исторических произведений окончательно размыло грань между «историей» и «поэзией», между «действительностью» и «вымыслом». Люди того времени, в противоположность людям античной эпохи, не отличали историческое повествование от поэтического вымысла. Итальянский летописец XIV в. Джованни Виллани (Giovanni Villani) прямо называл поэтов *maestri di storia*, приписывая Вергилию такой же авто-

ритет, как Ливию, и говорил, что тот, кто хочет подробно знать историю, пусть читает Вергилия, Лукана, Гомера.

Но утрата семантических смыслов истории-текста компенсируется возникновением значения «история-реальность» или «история-бытие», т. е. «история», существующая вне текста. Точнее, текст превращается в «рассказ об истории».

Хронологически это значение «истории» возникает в эпоху античности. Продолжая традиции иудейской парабиблейской исторической литературы, еврейские историки эллинистического периода, писавшие по-гречески, начали использовать греческое слово «история» в значении «существование человеческой реальности во времени», хотя, конечно, как и в Библии, эта «реальность» была прежде всего иудейской.

К сожалению, тексты наиболее известных иудейских историков эллинистического периода не сохранились, за исключением небольших фрагментов, процитированных в более поздних работах. Но, например, Иосиф Флавий уже совершенно очевидно придает именно такое значение «истории» в трактате «О древности еврейского народа», когда пишет, что его сочинение «О древностях» («Иудейские древности») «обнимает события пятитысячелетней истории», или, замечая, что «у нас <иудеев> не великое множество книг, которые не согласовывались бы между собой и противоречили друг другу <как у греков>, а только двадцать две, содержа-

щие летопись всех событий нашей истории»¹⁰.

В христианской традиции значение «истории-реальности» или «истории-бытия» восходит по меньшей мере к Оригену, к его работе «О началах» (ок. 228–229 гг.), в которой он в том числе рассмотрел проблему толкования смысла Библии. И хотя традиция толкования Пятикнижия была уже высоко развита в иудаизме, именно оригеновская система толкования впоследствии стала одной из основ систематической теологии. Эта система включала три уровня: соматический (телесный или бытийный, т. е. исторический), психический и пневматический (духовный). В контексте этой схемы было введено понятие «история в телесном смысле», т. е. «история» в значении реальности. Заметим, что наряду с этим у Оригена встречается и традиционное значение «истории-текста»: «истории, повествующие о делах праведников», «историческое повествование».

Августин в «Граде Божиим» уже четко различает два значения «истории» – бытия человечества во времени и исторического сочинения. Во введении к 18-й книге он, напоминая читателям о содержании предыдущих книг, повествующих о судьбе «двух градов», пишет, что после потопа «как в истории, так и в нашем сочинении оба града продолжают идти совместно вплоть до Авраама». Точно так же и Гуго Сен-Викторский (сер. XIII в.) в своем «Историческом зеркале» писал, что порядок его изложения «следует не только после-

¹⁰ Иосиф Флавий. О древности еврейского народа I, 7 (8).

довательности Священного Писания, но и порядку мирской истории» (*secularium hystoriarum ordinem*).

История-знание

В соответствии с античной традицией в Средние века «историю» по-прежнему не рассматривали как самостоятельную область знания. В лучшем случае, как и в античности, «историю» в очень узком смысле (как разъяснение текстов древних авторов) иногда включали в «грамматику», входившую в список «семи свободных искусств»¹¹ (например, у Августина, Кассиодора, Исидора Севильского). Исключения были весьма немногочисленны.

В эпоху итальянского Возрождения эта античная традиция активизируется, постижение «истории» снова связывается с изучением текстов, прежде всего, античных авторов. Восстанавливается традиция присоединения «истории» к «грамматике». Например, около 1450 г. Томмазо Парентучелли, секретарь папской курии и основатель Ватиканской библиотеки, составил по просьбе Козимо Медичи список книг, которые должны были находиться в первой публичной библиотеке, основанной Медичи в 1441 г. во Флоренции при

¹¹ «Семь свободных искусств» (*septem artes liberales*), задававшие структуру образования в античном Риме и средневековой Европе, включали «тривиум» (чтение/письмо, грамматика/словесность, диалектика/логика) и «квадривиум» (арифметика, геометрия, астрономия и музыка).

монастыре св. Марка. В этом «перечне Парентучелли», который был весьма популярен среди гуманистов в качестве списка «рекомендованной литературы», приводится в том числе список книг, необходимых для «изучения светских наук, то есть грамматики, риторики, истории и поэзии».

При сохраняющемся доминировании «текстового» значения «истории» существенно изменились прагматические параметры этого рода литературы, связанные с понятиями «пользы» и «функций» исторических сочинений. В эпоху античности одной из основных функций истории было накопление социального опыта, который можно было использовать в социальной практике, т. е. формирование социальных и моральных образцов поведения. В свою очередь, в эпоху христианского Средневековья накопление сведений о социальной реальности определялось совершенно иными целями. Стремление познать человеческую природу и устройство социального мира выступало не столько в качестве конечной цели, сколько как инструмент, способ познания божественной реальности, Промысла Божьего. Такая установка несколько ослабевает в период позднего Средневековья, когда под влиянием томизма постижение божественной реальности стало мыслиться возможным в первую очередь через постижение созданной Богом природы. Это немного снизило теологический интерес к знанию о социальном мире и позволило вернуться к изучению социального мира и человека как таковых, вне непосредственной связи

с божественной реальностью.

В трудах итальянских гуманистов XV в. уже постоянно говорится о пользе истории (исторических текстов). Впрочем, даже в XV в. представления гуманистов о «пользе» истории были все еще весьма расплывчаты. Так, Леонардо Бруни в прологе к своей упомянутой выше работе «Двенадцать книг истории народа Флоренции» говорит о пользе чтения исторических трудов: 1) для приобретения навыков хорошего стиля; 2) ввиду воспитательной ценности истории; 3) вследствие того, что «разумному человеку приличествует знать», как возникла его родина, какое прошла развитие и какие судьбы ее постигли; 4) наконец, потому, что знание истории «дает величайшее удовольствие».

Как и в античности, прагматические параметры «истории-текста» реализовались в эпоху Средневековья в некоторых конкретных требованиях, предъявлявшихся к содержанию исторических текстов, которые снова условно можно разделить на метод (каким образом), предмет (о чем) и время (когда).

Метод (каким образом). Постепенно совершенствовалась работа с источниками, на которые опирались авторы исторических текстов. В дополнение к традиционным «свидетельствам очевидцев», хроникам и предшествующим историческим сочинениям начали использовать архивные документы – сначала монастырей, затем папской канцелярии и, наконец, первые государственные «светские» архивы. В

XV в. в Италии возникает так называемая «эрудитская» школа в историографии, основателем которой был Флавио Бьондо. «Эрудиты» впервые занялись кропотливым сбором фактов, документов, памятников письменности и материальной культуры по истории античности и Средневековья.

Традиция «критики источников», даже в ее самой зачаточной форме, была прервана в течение нескольких первых столетий Средневековья, в силу авторитета церковных авторов. Но в XV в. она возрождается на качественно новом уровне. Первопроходцем здесь считается Лоренцо Валла с его известной работой «Рассуждение о подложном и вымышленном дарении Константина» (*De falso credita et ementitis Constantini donatione declamatio*). Эта работа была написана им в 1440 г., но впервые опубликована только в 1517 г. в Германии, где в это время начиналось реформационное движение и шла острая борьба с папством. На конкретном историографическом уровне основателем современной «критики источников» был, по-видимому, Флавио Бьондо. В качестве главных критериев достоверности он выдвигал, с одной стороны, правдоподобие и реальность описываемых событий, отбрасывая как недостоверные все сообщения о чудесах, знамениях и т. д. С другой стороны, Бьондо пытался отбирать источники по принципу древности их происхождения, их наибольшей близости по времени к описываемым событиям.

Предмет (о чем). С точки зрения географического охва-

та, в Средние века наибольшей популярностью пользовались всемирные хроники и монастырские областные анналы. С XI в. появляются первые большие летописные своды и монографии, посвященные истории стран в целом, т. е. «страновые истории».

Уже в раннем Средневековье возникают принципиально новые объекты исторических сочинений. Например, появляются истории отдельных народов – готов (Кассиодор/Иордан, Исидор Севильский), франков (Григорий Турский, Псевдо-Фредегар), лангобардов (Павел Диакон), англов (Беда Достопочтенный) и т. д. Но главным средневековым «нововведением», с точки зрения предмета исторических сочинений, становится история церкви, родоначальником которой был Евсевий Кесарийский.

Тематическое разнообразие исторических текстов начинает стремительно нарастать с XII в. Появляются придворные анналы, автобиографии церковных писателей, биографии королей, сочинения по истории церковной литературы, а также городские хроники (прежде всего в Италии), авторами которых нередко были уже миряне.

Время (когда). Средневековые хронологические представления в целом не намного отличались от античных. К наиболее распространенным хронологическим системам, использовавшимся в Средние века, относились эра Диоклетиана (от 29 августа 286 г.), переименованная в «эру мучеников чистых», а также разные варианты традиционной эры

«от сотворения мира» (александрійская, болгарская, антиохійская, византийская и др.), особенно популярные в Византии. В 525 г. папский архивариус Дионисий Малый первым предложил использовать летоисчисление от Рождества Христова, и эта хронологическая система стала постепенно распространяться в Западной Европе, но только в XV в. она становится официальной в большинстве европейских государств.

Так же как и хронологические познания, не претерпели особых изменений по сравнению с эпохой античности и средневековые представления об отношении «истории» к прошлому и настоящему – «история-текст» должна была содержать, прежде всего, знание о настоящем. Так, Исидор Севильский (VII в.), проводя различие между историей и аналами, определял историю как знание, полученное на основе увиденного, т. е. относящееся только к тем временам и событиям, свидетелем которых был автор, и основную функцию истории – как служение пониманию настоящего (в нашей терминологии).

Несколько столетий спустя автор «Церковной истории» Ордерик Виталий (начало XII в.) писал, что многие предшествующие авторы – «агиографы Моисей и Даниил», «языческие историографы» Дарий Фригиец (о нем мы упоминали выше) и Помпей Трог, «церковные писатели» Орозий, Беда, Павел Диакон – стремились передать «будущим поколениям деяния своих современников»; к тому же стремится и он,

Ордерик Виталий.

Каждый автор обязательно должен был доводить свою «историю» «до дней пишущего». Сведения о предшествующем периоде брались из какого-то сочинения, написанного ранее современником соответствующих событий. Поэтому, хотя «история» конкретного автора могла начинаться со сколь угодно отдаленного времени (например, с Троянской войны), она не была в строгом смысле историей «прошлого», а получалась из сложения написанных в разное время историй «настоящего».

Все это относилось, впрочем, только к мирской истории. В священной истории средневековая христианская мысль впервые ввела различие между настоящим и прошлым, радикально отличным от настоящего. В качестве прошлого выступал период до Воплощения Христа, а настоящим считалось все время после Воплощения. Соответственно, Ветхий Завет был священной историей прошлого, а Новый – священной историей настоящего. Позднее, уже в эпоху Возрождения и Реформации, это разделение, неведомое античной мысли, стало важнейшей основой для формирования исторического сознания Нового времени.

В завершение отметим еще одно важное достижение Средневековья в области исторического знания, которое начиная с XII в. было связано с возникновением многочисленных исторических антологий и компендиумов, именуемых как «Суммы», «Зеркала» и «Цветы» истории. Обычно

это явление трактуется как упадок историографии, поскольку все эти тексты имели, естественно, вторичный характер и поэтому не представляют особого интереса как первичные источники для современных историков-медиевистов. Однако этот этап был очень важен для становления исторического знания. По сути, речь шла об аккумуляции и централизации имеющегося исторического знания, объединении разрозненных текстов, доступных немногим, в некое подобие единого свода знаний. Эти работы восстанавливали традицию написания всемирной истории, заложенную Евсевием, но не получившую развития в течение нескольких следующих веков.

3. Новое время: смена приоритетов

В XVI в. начинается бурная дискуссия о характере исторического знания, продолжавшаяся до начала XVII в. Если за предшествующие две тысячи лет о понятии «история» было написано несколько десятков абзацев, то теперь за одно столетие – несколько десятков трактатов, специально посвященных проблемам методологии истории. Достаточно сказать, что в 1579 г. Иоганн Вольф из Базеля издал собрание работ по методологии истории «Сокровищница исторического искусства», включавшее 18 текстов, из которых 16 были написаны в XVI в. (кроме них, туда были включены работы Дионисия Галикарнасского и Лукиана).

Часть авторов, прежде всего итальянских, продолжала от-

стаивать «классическую» античную точку зрения на историю как на литературный жанр («история-текст»), наделенный целым рядом специфических признаков. Однако к началу XVII в. победило представление об «истории-знании», хотя также достаточно специфичное – история отождествлялась с конкретным, не теоретическим, знанием.

После победы сторонников «истории-знания», история-текст, точнее «история-литература», выделилась в самостоятельную область, относящуюся к художественной литературе. Начало этому процессу положил Уильям Шекспир, а окончательно он утвердился в первой половине XIX в., когда возникает «исторический роман», основоположником которого стал Вальтер Скотт. Наконец, со второй половины XVIII в. резко активизируется обсуждение «истории-реальности», которое велось в рамках «философии истории» или историософии, достигшей небывалого расцвета в XIX в.

История-знание

С середины XVI в. «история» в значении знания понимается не столько как отдельная дисциплина, сколько как комплекс дисциплин или самостоятельный тип знания. В формировании этих новых взглядов не последнюю роль сыграла сокрушительная критика представлений итальянских гуманистов о знании в целом и об истории в частности, содержащаяся в знаменитом трактате Генриха Корнелиуса Агриппы

«О недостоверности и тщетности наук» (1520). Вторым удар был нанесен «из тыла» Никколо Макьявелли (1469–1527) и Франческо Гвиччардини (1483–1540), чьи жесткие историко-политические работы никак не вписывались в прекраснодушные рассуждения об историческом литературном жанре («История Флоренции» Макьявелли была опубликована посмертно в 1531–1532 гг., «История Италии» Гвиччардини – в 1561–1564 гг.).

В формировании значения «истории-знания» и соответствующих ему смыслов во второй половине XVI – начале XVII в. участвовало множество авторов из разных стран, хотя, конечно, далеко не все эти работы были равноценны. Одним из важнейших можно считать трактат Жана Бодена «Метод легкого познания историй» (1566), поскольку во многих более поздних работах давался просто пересказ или даже прямой перевод отдельных частей этого трактата. Весьма существенную (хотя не вполне положительную) роль в формировании представлений об историческом знании сыграл и труд Фрэнсиса Бэкона «О достоинстве и приумножении наук» (1623). Формирование представлений об «историческом» было «коллективным предприятием», в котором участвовало множество мыслителей начала Нового времени. Служение истории рассматривалось как занятие в высшей степени почетное (а временами и выгодное), поскольку в этом видели проявление не только высших интеллектуальных способностей, но и гражданских доблестей. С подобной

оценкой роли и значения истории в европейской культуре мы сталкиваемся вновь только в середине XIX в.

Метод (каким образом). Становление новых представлений об историческом знании началось с написания разнообразныхopusов о «методе» (*methodos*), которые их авторы противопоставили рассуждениям об «историческом искусстве» (*ars historica*). Дискуссия об историческом методе шла по нескольким направлениям.

Прежде всего резко активизируется обсуждение проблемы источников и их критики. Качественно новый импульс работе с первоисточниками придал раскол Западной церкви и сопровождавшая его в XVI в. «историографическая война» между католиками и протестантами. Заметим, что и впоследствии, на протяжении XVII–XIX вв., развитие источниковедческой базы истории во многом было связано с трудами представителей церкви. В XVII в. существенный вклад в эту работу внесли болландисты (ученое общество иезуитов), с конца XVII в. ее продолжили мавристы (мавриане), французские бенедиктинцы конгрегации св. Мавра. Работа церковных историков по публикации документов и произведений христианских авторов достигает своей вершины в XIX в. в форме выдающейся «Патрологии» аббата Жана-Поля Миня (1800–1875). В целом к концу XIX в. усилиями как церковных, так и светских исследователей источниковедение становится полностью сформировавшейся дисциплиной, служащей прочным фундаментом всего исторического

знания.

Что касается собственно метода, то здесь события развивались далеко не так гладко. Процесс выработки исторического метода, начавшийся во второй половине XVI в., вскоре был фактически прерван. Уже в начале следующего столетия формируется весьма устойчивое представление об историческом знании как о собрании сведений, фактов и т. д., которое, строго говоря, не играет самостоятельной роли, а должно служить лишь основой «высокого», «теоретического» знания (которое вначале именовалось философией, а потом – наукой).

Эта точка зрения была канонизирована Фрэнсисом Бэконом в упомянутой выше работе «О достоинстве и приумножении наук» (1623). Взяв в качестве отправной точки деление знаний по способностям мышления (разум – память – воображение), использовавшееся Аристотелем, Ибн Синой, Хуаном Уарте и др., Бэкон ввел разделение знания «по методу» на науки разума («философию» или «чистую науку»), науки памяти («историю») и науки воображения («поэзию»). В рамках такого подхода историческое знание оказывалось вспомогательным, служащим лишь основой для «философии» или «чистой науки». Эта концепция была закреплена в работе Томаса Гоббса «Левиафан» (1651) и доминировала вплоть до начала XIX в. В частности, во второй половине XVIII в. она была воспроизведена в «Энциклопедии» французских просветителей Дени Дидро и Жана-Лерона д'Алам-

бера, которая оказала огромное влияние на интеллектуальную жизнь Европы (первый том, содержащий изложение этой схемы, вышел в 1751 г.).

Надо сказать, что концепция Бэкона была еще не худшим вариантом отношения к историческому знанию в XVII – первой половине XVIII в. Расцвет естественно-научного знания и соответствующей ему философии нанес сокрушительный удар по истории. Хорошо известны скептические высказывания об истории Галилея, Декарта и даже Спинозы и Лейбница, хотя последний, как известно, был официальным историографом дома Ганноверов. Например, Декарт считал историю родом литературы, а не наукой, и в своем пренебрежительном отношении к ней доходил до утверждения, что ему совершенно безразлично, существовали ли вообще до него люди. Существенный вред историческому знанию нанес и Ньютон, чьи мистико-астрологические трактаты до сих пор используются для обоснования нападок на историческую науку.

Лишь с середины XVIII в. историческое знание начинает снова обретать утраченный статус, но уже в начале XIX в. возникает новая напасть, связанная с появлением позитивистских схем структуры знания, в которых главным параметром выступала «степень теоретичности» той или иной науки. Так, Огюст Конт в первом томе «Курса позитивной философии» разделил науки на теоретические и практические, а теоретические, в свою очередь, на общие (абстракт-

ные) и конкретные. Отнеся историю к разряду «конкретных наук», Конт акцентировал ее второстепенную, вспомогательную роль в научном познании. Дальнейшее развитие эта схема получила в бесчисленных позитивистских концепциях структуры научного знания, где история неизменно относилась к второстепенным, описательным дисциплинам, опять-таки не дотягивающим до «настоящей» науки.

Только в конце XIX в. в работах Иоганна Дройзена, Вильгельма Дильтея, Генриха Риккерта и Вильгельма Виндельбанда было сформулировано совершенно новое представление об историческом методе. Это представление еще не было однородным. Но главное, был выдвинут тезис о качественном отличии социальной реальности от природной, подразумевающим и различие в методах их исследования.

Предмет (о чем). В середине XVI в. вводятся понятия истории в широком и в узком смысле. В широком – история включала три компонента: священную, природную и человеческую историю. Эта широкая трактовка, по-видимому, впервые была предложена Жаном Боденом в работе «Метод легкого познания историй» (1566). Позднее ее использовали Томмазо Кампанелла (1613), Фрэнсис Бэкон (1623), Томас Гоббс (1651) и др. Лишь в конце XVIII в. в работах французских энциклопедистов эта схема начинает размываться, а в XIX в. «природная» и «священная» истории окончательно выводятся за рамки обсуждения.

Если говорить об истории в узком смысле, т. е. собствен-

но «человеческой» истории, то в XVI в. было достигнуто понимание того, что объектом исторического знания являются человеческие действия (*res gestae*) в разных их проявлениях. Эта точка зрения не вызывала особых дискуссий, ее поддерживали даже сторонники «текстового» или «риторического» подхода к истории. Разногласия возникали лишь в вопросе о том, какие именно человеческие действия и их результаты (или следствия) должна охватывать история и на какие конкретные области она должна подразделяться.

На теоретическом уровне предмет истории определялся необычайно широко. Так, например, в работе швейцарца Кристофа Милье «Написание истории универсума вещей» (1551) вся совокупность исторических нарративов делится на пять областей – история природы (*historia naturae*), история благоразумия (*historia prudentiae*), история правителей (*historia principata*), история мудрости (*historia sapientiae*), история литературы (*historia litteraturae*). Столетие спустя столь же широкую трактовку предмета истории можно найти, например, у Жана Гарнье, профессора «позитивной теологии» и библиотекаря иезуитского коллежа Клермона в Париже. В работе «Библиотечная система» (1678) он, в соответствии с традициями того времени, разделял знание на «философию» (или собственно науку) и «историю». В свою очередь, «история» включала географию, хронологию, всеобщую историю, естественную историю (историю природы), искусственную историю (историю обще-

ственных институтов) и литературную (художественную) историю.

Такая расширительная трактовка имела определенные основания. Действительно, история в современном смысле, т. е. знание о прошлом социального мира, присутствовала едва ли не в любой работе о социальной реальности, написанной в период Нового времени: от искусства (Джорджо Вазари «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих», 1550) до экономики (Адам Смит «Исследование о природе и причинах богатства народов», 1776). Однако на уровне историографической практики ситуация складывалась несколько иначе.

Если рассматривать работы, которые именовались авторами как «история», то подавляющая их часть была посвящена политической подсистеме общества – от войн до политических институтов. Начиная с Никколо Макьявелли история была в первую очередь политической наукой, прямо продолжая традиции Фукидида и Полибия, и эпоха абсолютизма только закрепляет этот смысл исторического знания. «Политологическая» ориентация истории фиксировалась и на методологическом уровне – наряду со сторонниками максимального расширения предмета истории многие мыслители XVI–XVIII вв., от Жана Бодена до Габриэля-Бонно де Мабли и лорда Болингброка, ограничивали сферу исторических исследований политическими аспектами человеческих действий и жизни общества. Во многом эта установка сохраня-

лась и в XIX в. — основная часть исторических сочинений этого периода была ориентирована на политическую историю.

Время (когда). Существенные изменения произошли и в темпоральных характеристиках исторического знания. С конца XVI в. начинает формироваться современная историческая хронология, прежде всего, благодаря работам Жозефа Скалигера «Об улучшении счета времени» (1583) и «Сокровище времен» (1606), а также трудам Дионисия Петавия (Петавиуса) (1627), который ввел обратный отсчет времени от Рождества Христова, Жана-Доминика Кассини (1740), Христиана Иделера (1825–1826), разработавшего математическую теорию хронологии, и др. В 1837 г. французский археолог-любитель Жак Буше де Перт обнаружил при раскопках на берегах р. Соммы орудия каменного века. Благодаря этому открытию история человечества сразу удлинилась на тысячелетия: до этого ни один самый просвещенный человек не сомневался в том, что человечество существует не более пятитысячелетнего периода, который задавался библейской хронологией. (Окончательное признание факта существования «доисторического» человека произошло лишь в 60-е годы XIX в.)

В Новое время была создана принципиально новая схема периодизации всемирной истории. Уже Жан Боден в своем «Метод» начал борьбу с традиционной схемой «четырёх царств», а в конце XVII в. профессор университета в Гал-

ле Христофор Келлер (Целлариус) в работе «Трехчастная универсальная история» (*Historia tripartita universalis*, 1685–1698) разделил всемирную историю на Древнюю (до Константина Великого), Среднюю (от Константина до падения Константинополя в 1453 г.) и Новую. Эта концепция окончательно утверждается в XIX в., существенным образом определяя структуру исторического знания.

Однако главным отличием Нового времени стало изменение в темпоральных представлениях, связанное с появлением идеи исторического прошлого. Конечно, какое-то разделение прошлого и настоящего существовало всегда, в том числе в самых архаичных культурах (например, в виде мифического времени первотворения). Точно так же и в христианской религии время до Рождества Христова было «прошлым», качественно отличавшимся от «настоящего». Но лишь начиная с эпохи Возрождения история темпорализируется, она разделяется на отдельные периоды, каждый из которых может быть объектом самостоятельного изучения. Иными словами, только в Новое время впервые появляются исторические работы, посвященные событиям не «до дней пишущего», а каким-то изолированным, порой весьма отдаленным, временным периодам, что было абсолютно невысказано в эпохи античности и Средних веков.

В XV–XVI вв. история впервые начинает ассоциироваться именно с изучением прошлого. В частности, все тот же Жан Боден предлагал рассматривать историю в узком смыс-

ле «как дисциплину, изучающую деятельность людей, ясно описанную в повествованиях о событиях давно минувших дней». Поэтому основная часть его сочинения посвящена периоду древней истории и раннего Средневековья, в современной терминологии.

В XVII–XIX вв. идея истории как знания только о прошлом перестает активно обсуждаться. Уже Бэкон и Гоббс фактически игнорировали темпоральную характеристику исторического знания, которую попытался акцентировать Боден. В целом можно сказать, что с начала XVII по конец XIX в. истории в значении знания в основном придавался смысл «обществознания», т. е. история была прообразом всей системы общественных наук. Такой смысл, при очевидных различиях, прослеживается в концептуализации исторического знания всех крупнейших философов, занимавшихся этой проблемой: от Бэкона до Риккерта. Понятно, что при таком осмыслении истории опять-таки не возникало специализации истории «по времени», как знания, относящегося исключительно к прошлому.

Наконец, следует сказать и о «классическом» понимании исторического знания как раздела филологии, связанного с изучением (древних) текстов. Еще в XIX в. в большинстве европейских университетов история изучалась на филологических факультетах. В некоторых странах (во Франции, в Бельгии) эти факультеты назывались факультетами словесности, а в Германии и в России они именовались истори-

ко-филологическими. Это обстоятельство отражало ту роль, которую продолжало играть на протяжении Нового времени значение истории-текста.

История-текст

Классическое понимание истории как литературного жанра активизируется в эпоху Возрождения. В принципе апелляции к Цицерону и Квинтилиану обнаруживаются уже в XV в., а в XVI в. *ars historiarum* (*ars historicae*) становится модной топикой. Эту филологическую линию развивали в XV–XVI вв. представители итальянской «риторической» историографической школы Леонардо Бруни.

В работах этих авторов история по-прежнему определялась не столько как знание, сколько как рассказ, повествование и т. д. Джованни Антонио Виперано в «Книге о написании истории» (1569) определяет историю как «разумный и украшенный рассказ о человеческих деяниях». «Литературный» подход к тексту был распространен не только в Италии, но и в других странах, прежде всего во Франции. Так, Марк-Антуан Мюре в «Рассуждении об истории» (1604) писал, что «история – это повествование, полное и непрерывное, о вещах совершенных публично».

«Риторическая» традиция интерпретации «истории» в целом сохранялась на протяжении XVII–XVIII вв., хотя и не была столь заметной, как в XVI в. Отчасти она поддержи-

валась и на конкретном историографическом уровне, хотя литературные достоинства исторических текстов постепенно были принесены в жертву политическому анализу.

Параллельно продолжала развиваться «художественная» историческая литература. Неизменную популярность, унаследованную от Средневековья, сохраняли исторические поэмы. Наряду с этим все шире распространяются исторические пьесы, охватывающие весь спектр драматургии – от трагедии и драмы до комедии и сатиры (например, в Англии были весьма популярны «исторические» пьесы Шекспира). При этом различие между собственно историческими текстами и историческими художественными произведениями (поэмами и пьесами) не только не ослаблялось, но усиливалось, что закреплялось синтаксическими характеристиками соответствующих типов текстов. Исторические поэмы и пьесы назывались поэмами и пьесами, а не «историями».

Новый импульс «риторическое» направление в историописании и соответствующие представления об истории получают в конце XVIII – начале XIX в., прежде всего, благодаря писателям – романтикам. Романтики возродили традиции творческого, интуитивного, эстетического подхода к истории: например, для Фридриха Шеллинга наиболее адекватной формой постижения прошлого было «историческое искусство». Некоторые выдающиеся писатели того времени одновременно становились авторами вполне серьезных «научных» работ по истории, принося в них, естественно,

свой литературный талант – достаточно упомянуть Фридриха Шиллера («История отпадения Соединенных Нидерландов от испанского владычества», 1788; «История Тридцатилетней войны», 1790–1792), Александра Пушкина («История пугачевского бунта», 1833) или Проспера Мериме, написавшего работы по древнеримской истории (1841–1844), истории Испании (1848) и т. д. Но речь отнюдь не шла о слиянии «художественной» и «нехудожественной» исторической литературы, что особенно видно при сравнении «художественных» и «научных» исторических работ упомянутых авторов.

Что касается художественной литературы, то именно в конце XVIII – начале XIX в., в дополнение к историческим поэмам и пьесам, формируется, по сути дела, новый жанр – «исторический роман», у истоков которого стояли в Англии – Вальтер Скотт, Эдвард Булвер-Литтон, во Франции – Виктор Гюго, Альфред де Виньи, Александр Дюма, Проспер Мериме, в Германии – Иоганн Гёте, в Италии – Алессандро Мандзони, в США – Фенимор Купер. В XIX в. исторические романы, вкупе с появившимися вслед за ними «историческими повестями», становятся одним из самых популярных литературных жанров.

К жанру исторического романа начинают относиться прозаические произведения романической формы, действие которых лежит за пределами памяти современников. Но под общую рубрику «исторического романа» попадали и продол-

жают попадать произведения, очень разные с точки зрения исторической достоверности. В лучших образцах исторической прозы их авторы опираются на серьезные научные исследования и даже на архивные материалы, используя в своих текстах документы, газетные публикации и другие исторические источники.

Оставляя в стороне художественную литературу, вернемся к «научной» истории-тексту. Писатели-романтики послужили образцом для историков в работе над художественной стороной исторических текстов, что было очень важно в то время для завоевания внимания публики. В числе авторов, чьи исторические труды написаны выразительным языком, отличаются интересной композицией и прочими стилевыми признаками хорошей прозы, выделяются Франсуа Гизо, Огюстен Тьерри, Жюль Мишле, Алексис де Токвиль, Ипполит Тэн, Якоб Буркхардт, Томас Карлейль, Томас Маколей, Сергей Соловьёв, Василий Ключевский. В силу несомненных художественных достоинств, удачно дополняющих научную ценность их работ, произведения этих и некоторых других историков XIX в. в следующем столетии стали объектом пристального интереса филологов.

История-реальность

Как отмечалось выше, «история» в значении реальности, не связанной с конкретным текстом, впервые стала исполь-

зоваться в иудео-христианской традиции еще в первые века нашей эры. Но только в Новое время, более того, лишь со второй половины XVIII в. это значение «истории» занимает место, сопоставимое с «историей-текстом» и «историей-знанием», а отчасти даже подавляет их. Широкое распространение значения «истории-реальности» было связано с появлением другого понятия, а именно – «философии истории», т. е. философского осмысления истории-реальности. Возникновение словосочетания «философия истории», в отличие от многих других, может быть точно датировано: оно впервые использовано в работе Вольтера «Философия истории», изданной в 1765 г.

Согласно современному немецкому историку Райнхарту Козеллеку, именно в 1760–1780 гг., т. е. в период возникновения философии истории, слово «история» начинает употребляться в единственном числе. Это свидетельствует о доминировании значения «истории» как «бытия человечества во времени», подавляющем прежнее значение «истории» как текста, которое влекло за собой преимущественное использование этого слова во множественном числе. Позднее эту связь выразил Иоганн Дройзен в формуле «за историями находится История».

Иногда при философском осмыслении значения «истории-реальности» она доопределялась («история человечества» у Иоганна Гердера, «всеобщая история» у Иммануила Канта, «мировая история» у Курта Брейзига и т. д.).

Позднее, уже во второй половине XX в., стала доопределяться сама философия истории-реальности – ее стали обозначать как «онтологическую», «субстанциальную» или «спекулятивную» философию истории, чтобы отличить от философской рефлексии по поводу других значений «истории», т. е. философии истории-текста и философии истории-знания.

Здесь мы не будем подробно останавливаться на содержании философских рефлексий относительно истории-реальности. Отметим лишь, что, несмотря на бесчисленное количество философских работ, посвященных обсуждению «смысла истории», в подавляющем большинстве случаев понятие истории в значении реальности имеет один и тот же смысл – «бытие человечества во времени». Этот смысл, во-первых, подразумевает «всеобщий» или «глобальный», в современной терминологии, подход к истории – «мельчайшими» объектами здесь являются «народы», «культуры» или «цивилизации». Во-вторых – акцентируется динамический аспект исторической реальности: речь обязательно идет о процессе, разворачивающемся во времени (изменения, развития, подъема и упадка и т. д.). Именно этим, в первую очередь, историософский смысл «истории-реальности», сложившийся в Новое время, отличается от теологического смысла «истории-реальности» в эпоху Средневековья, ибо последний в основном имел статичный характер.

С середины XIX в. «история» в значении реальности по-

степенно начинает использоваться не только в философских, но и в исторических работах, хотя и не слишком активно, — сами историки по-прежнему ориентировались в первую очередь на значение «истории-знания», в крайнем случае «истории-текста». Гораздо большую, чем в профессиональной среде, популярность историческое значение «истории» обрело в общественно-политической лексике, где, впрочем, оно постоянно смешивалось (и продолжает смешиваться по сей день) со значениями истории-знания и истории-текста.

4. Новейшее время (XX в.)

В XX в. «история» в разных ее значениях была объектом внимания не только со стороны самих историков, но также представителей общественных наук (экономистов, социологов, политологов), филологов, теологов и, наконец, философов, представляющих самые разные направления (от Анкерсмита до Ясперса). С целью некоторого упорядочения и систематизации остановимся кратко на распространенных в прошлом веке смыслах, придававшихся основным значениям «истории».

История-знание

Только с конца XIX в., когда формируется весь комплекс общественных наук как самостоятельного типа зна-

ния, окончательно укореняется смысл истории как отдельной дисциплины. История в значении знания начинает определяться как наука о прошлом человечества.

Конечно, новый поворот в трактовке смысла исторического знания возникает не вдруг со сменой веков. По сути он наметился уже в последней трети XIX в., когда наряду с субстанциальной философией истории в Германии возникает так называемая «критическая философия истории»¹², т. е. философия исторического знания (это направление было представлено в работах Иоганна Дройзена, Вильгельма Дильтея, Генриха Риккерта, Георга Зиммеля). Но окончательно концептуализировано новое понимание истории было лишь в первой половине XX в. Существенный вклад в формирование современных представлений об исторической науке внесли известные историки разных стран: в Германии – Эрнст Бернгейм и Макс Вебер, во Франции – Люсьен Февр и Марк Блок, в США – Чарльз Бирд и Карл Беккер, в Англии – Робин Коллингвуд, в России – Александр Лаппо-Данилевский и Николай Кареев, и многие другие.

Существенно подчеркнуть, что все перечисленные авторы были, прежде всего, профессиональными историками, а не чистыми философами, логиками, культурологами, филологами или представителями каких-то иных дисциплин или типов знания. Ранее определение смысла, вкладываемого в

¹² Этот термин был введен Раймоном Ароном в работе «Критическая философия истории» (1938).

понятие исторического знания, было в основном прерогативой философов, и переход к дисциплинарному самоопределению по сути явился еще одним свидетельством становления истории как самостоятельной области общественно-научного знания.

При всех различиях в подходах уже в первой половине прошлого века было выработано некое общее понимание исторического знания. Напомним лишь некоторые известные высказывания из разряда «канонических» (см. *Вставку 2*).

Вставка 2. Определения исторического знания

Люсьен Февр: «История – наука о человеке, о прошлом человечества»¹³.

Раймон Арон: «История в узком смысле слова есть наука о человеческом прошлом»¹⁴.

Робин Коллингвуд: «История – это разновидность исследования или поиска... разновидность того, что мы называем науками, т. е. тех форм мышления, посредством которых мы задаем вопросы и пытаемся ответить на них... Науки отличаются друг от друга

¹³ *Февр Л.* Суд совести истории и историка [1933] // Февр Л. Бои за историю / Пер. с франц. М.: Наука, 1991. С. 19.

¹⁴ *Арон Р.* Введение в философию истории [1938] // Арон Р. Избранное: Введение в философию истории / Пер. с фр. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 220.

тем, что они ищут вещи разного рода. Какие вещи ищет история? Я отвечаю: *res gestae* – действия людей, совершенные в прошлом»¹⁵.

Итак, в XX в. история в значении знания в основном определяется как: а) научное знание; б) знание о социальном мире; в) знание о прошлом. Первый смысл связан с определением по методу, второй – по предмету, третий – по времени. Однако несмотря на некое общее единство представлений об историческом знании, методологические дискуссии в этой области продолжаются, и весьма активно. Выделим лишь некоторые основные пункты современных дебатов, точнее дискуссионных проблем.

Прежде всего не вполне ясно, является ли история «просто наукой» или научной дисциплиной, как, скажем, социология или филология, или это все же «комплекс наук». Отсюда возникает ощущение, что история – это что-то отличное от других общественных и гуманитарных наук (оставляя в стороне различие между теми и другими), но остается неясным, в чем именно состоит это отличие. Эту неопределенность попытался передать французский философ Мишель Фуко, который, говоря об Истории (он часто пишет это слово с прописной буквы), утверждает:

«... Место ее не среди гуманитарных наук и даже не рядом с ними; можно думать, что она вступает с ними

¹⁵ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории [1946 посм.] // Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. М.: Наука, 1980. С. 12–13.

в необычные, неопределенные, неизбежные отношения, более глубокие, нежели отношения соседства в некоем общем пространстве... История образует “среду” гуманитарных наук... Каждой науке о человеке она дает опору, где та устанавливается, закрепляется и держится; она определяет временные и пространственные рамки того места в культуре, где можно оценить значение этих наук; однако вместе с тем она очерчивает их точные пределы»¹⁶.

В современных определениях истории присутствуют следы и еще одного специфического смысла «истории-знания», а именно, что история – это «конкретное» знание, в противоположность «теоретическому». Эта трактовка, которая была актуализирована в начале XVII в., продолжала пользоваться популярностью и в XX в., особенно в первой его половине. Например, еще в середине прошлого века философ Карл Поппер в работе «Нищета историцизма» (1957) прямо писал, что историк интересуется действительными единичными или специфическими событиями, а не законами и обобщениями.

С конца 1950-х годов эта проблема активно обсуждается в аналитической философии истории, в рамках которой, строго говоря, «история» выступала не только (и, может быть, не столько) как «знание», но и как «текст». Дело в том, что основная часть этих исследований была посвящена проблеме

¹⁶ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. СПб.: A-cad, 1994 [1966]. С. 385–386, 389.

построения высказываний в исторических сочинениях, что в равной степени можно рассматривать и как обсуждение метода «истории-знания», и как семантику «истории-текста». Существенный вклад в разработку данной проблемы внесли Карл Гемпель, Эрнест Нагель, Морис Мандельбаум, Уильям Дрей, Артур Данто, Георг фон Вригт, Мортон Уайт и др. Эта тематика представлена также в работах эстонских (Андрус Порк, Эро Лооне) и российских (Марина Кукарцева) исследователей. Благодаря работам в области аналитической философии истории был существенно уточнен смысл «истории-знания», прежде всего с точки зрения особенностей метода.

В то же время нельзя говорить о том, что сформулированные в рамках аналитической философии представления о высокой степени генерализации и объясняющих возможностей исторического знания (хотя и отличных от естественных наук), стали абсолютно доминирующими. И в последние десятилетия XX в. многие специалисты продолжали придавать историческому знанию традиционный смысл конкретного знания, ориентированного на особенное, индивидуальное, уникальное, случайное ит.д.

С точки зрения предмета произошло существенное расширение представлений о том, какие именно компоненты социального мира относятся к ведению истории, в первую очередь, в рамках подсистемы культуры.

Наконец, в XX в. постепенно уточнялся смысл, связанный

с ориентацией исторического знания на изучение прошлого. Здесь также существовал широкий спектр мнений, вплоть до представлений о том, что история занимается не только прошлым, но также настоящим и даже будущим (такой подход связан с историософским смыслом истории-реальности). Тем не менее в прошлом веке история стала специфицироваться преимущественно как знание о прошлом, в отличие от предшествующих эпох, когда такой смысл в большинстве случаев вообще отсутствовал. Это, впрочем, повлекло за собой дискуссию о разграничении прошлого и настоящего и о соответствующем определении «сферы компетенции» истории.

История-текст

В принципе в XX в. отчасти сохранялись представления об истории как о разновидности литературы. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в прошлом веке две Нобелевские премии по литературе были присуждены за исторические работы (хотя, как мы знаем, присуждение этих премий определяется не только литературными соображениями). Первый раз премия была присуждена Теодору Моммзену в 1902 г. с формулировкой: «Одному из величайших исторических писателей, перу которого принадлежит такой монументальный труд, как “Римская история”». Второй раз премию присудили Уинстону Черчиллю в 1953 г. с формули-

ровкой: «За высокое мастерство произведений исторического и биографического характера, а также за блестящее ораторское искусство, с помощью которого отстаивались высшие человеческие ценности». В этом случае особенно примечательна, в контексте античных дискуссий, увязка истории с риторикой.

Впрочем, в отличие от античности, исторические тексты в XX в. не выделяются более в самостоятельный литературный жанр. Речь идет не столько о литературе, сколько о тексте; соответственно, и смысл «истории-текста» изменился с общего (тип текстов) на конкретный (текст, написанный каким-либо историком). Особенно ярко эти тенденции проявились в последней трети XX в. благодаря развитию семиотики, а также целого ряда новых философских школ – упомянутой выше аналитической философии, философии текста и т. д.

Исторические тексты (т. е. тексты, написанные историками) стали объектом изучения по всем направлениям семиотического анализа – синтактике, семантике и прагматике.

Первое направление представлено традиционным филологическим анализом, в рамках которого главный интерес вызывают стилевые особенности того или иного произведения или ряда произведений одного автора. К этому направлению можно отнести, в частности, известные работы Бориса Реизова «Французская романтическая историография» (1956) и Питера Гая «Стиль в истории» (1974).

Второе направление – семантическое – в основном развивалось представителями аналитической философии истории. Как отмечалось выше, основное внимание в этих работах было уделено анализу высказываний – их внутренней структуре, логическим связям между высказываниями и т. д., – и именно в рамках этого подхода были получены самые интересные результаты.

Наконец, третье направление – прагматическое – было затронуто в основном в работах представителей французской семиотической школы, хотя и весьма специфическим образом. Поскольку значительная часть этих исследователей придерживалась левых, антибуржуазных взглядов, по крайней мере на определенном этапе своей карьеры (Ролан Барт, Юлия Кристева, Жак Деррида и др.), они акцентировали связь истории-текста с буржуазной идеологией, видя основную прагматическую функцию исторических текстов в навязывании обществу «буржуазной картины мира» путем создания соответствующей текстовой реальности.

Попытка комплексного анализа исторических текстов была предпринята Хейденом Уайтом («Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века», 1973), который попытался рассмотреть все три семиотических измерения «истории-текста» – синтаксическое, семантическое и прагматическое. К сожалению, помимо усложненной и путанной терминологии и удивительного для филолога, пишущего в конце XX в., пристрастия к механистическим классификациям

в стиле позитивистов XIX в., работа Уайта имеет и много содержательных недостатков, которые неоднократно обсуждались в исторической периодике.

История-реальность

В XX в. сохранялся традиционный смысл «истории-реальности» как бытия человечества во времени. Как и в предыдущие полтора столетия, такой смысл «истории» присутствовал в первую очередь в работах по субстанциальной философии истории. Но несмотря на то, что в XX в. работы по субстанциальной философии истории продолжали производиться в изрядном количестве (достаточно вспомнить бесконечное число печатавшихся в социалистических странах работ по «историческому материализму», представлявшему собой марксистско-ленинско-сталинский вариант субстанциальной философии истории), в общественной и философской мысли в целом роль этого направления заметно уменьшилась по сравнению с XIX в. Подавляющая часть подобных сочинений имела вторичный характер и представляла собой те или иные повторы «классиков» XIX–XX вв., что привело к более ограниченному использованию соответствующего смыслообразования.

Правда, в дополнение к субстанциальной философии истории «история-реальность» стала более активно, по сравнению с предшествующим столетием, обсуждаться в рабо-

тах по теологии истории, представленных трудами как протестантских (Карл Барт, Рудольф Бультман, Пауль Тиллих и др.), так и католических мыслителей (Этьен Жильсон, Жак Маритен и др.). Впрочем, смысл понятия «история» в этих работах практически не отличался от субстанциально-историософского.

В последние десятилетия XX в. «история-реальность» стала наполняться еще одним смыслом, возрождающим античные традиции, а именно реальность, изображенная в «истории-тексте». Но если в античности подразумевалось, что исторические тексты отображают реальность, то в соответствии с новейшими представлениями исторические тексты создают «образ реальности» или «эффект реальности». Особую популярность такая трактовка смысла «истории-реальности» получила в рамках постмодернистского подхода и некоторых других течений («новая философия истории», отчасти «новая интеллектуальная история» и др.). Это в свою очередь стимулировало дискуссии о реальности и вымысле, или о реальности, создаваемой в художественной литературе и в исторических текстах. Крайняя точка зрения здесь сводилась к тому, что в этом плане между историей и художественной литературой различия вообще отсутствуют. Например, еще в 60-е годы прошлого века Ролан Барт задавал риторический вопрос:

«Действительно	ли	описание	событий
прошлого,	отданное...	в	распоряжение

исторической “науке”, обеспеченное высокомерными гарантиями “реальности”, обосновываемое принципом “рационального” объяснения... отличается, в силу своей неоспоримой значимости или каких-то специфических характерных черт, от воображаемого описания, каковое можно найти в эпосе, романе или драме?»

И сам же давал ответ на него:

«Исторический дискурс не следует за реальностью, скорее он только обозначает ее путем бесконечного повторения того, что *она имела место*, но это утверждение не представляет собой ничего кроме очевидной подкладки всех исторических описаний»¹⁷.

Надо сказать, что брошенный вызов не остался без ответа со стороны историков. В частности, в работах Франсуа Шатле, Майкла Оукшота, Жака Ле Гоффа и ряда других авторов была предпринята попытка снова объяснить отличие реальности, изображенной в исторических сочинениях, от художественной литературы. Однако эти объяснения оказались плохо услышаны из-за необычайной голосистости постмодернистов, сторонников «лингвистического поворота» и противников «буржуазной идеологии». В свою очередь значительная часть историков вообще игнорировала все эти дискуссии, продолжая считать, как и два тысячелетия на-

¹⁷ Barthes R. Le discours de l'histoire // Social Science Information. 1967. Vol. 6. № 4. P. 73–74.

зад, что историческая реальность просто отражается в их текстах.

Здесь следует обратить внимание на одну особенность подхода, развиваемого постмодернистами. Дело в том, что они ограничились рассмотрением взаимосвязи «истории-реальности» с «историей-текстом». При этом за рамками обсуждения осталась связь «истории-реальности» с «историей-знанием». Некоторые профессиональные историки, писавшие о проблеме исторической реальности, попытались нащупать такую связь, но в целом это смысловое наполнение «истории-реальности» в XX в. не получило широкого распространения.

В самом деле, статус реальности, создаваемой в рамках одного изолированно рассматриваемого текста, по сути, ничем не отличается от статуса реальности, создаваемой в рамках другого текста. В этом смысле все тексты равноправны и отличаются только стилистическими (синтаксическими) характеристиками. Однако если «художественные» тексты можно, хотя бы с большой натяжкой, рассматривать как «вещь в себе», то любой исторический текст является частью исторического знания (в противном случае он просто не является историческим текстом в современном определении), что коренным образом меняет ситуацию.

Как и любая область знания, история продолжает успешно развиваться, обновляться, наконец, «взрослеть», как говорил Марк Блок. В XX в. представления о смысле всех значений слова «история» в очередной раз претерпели существенные изменения. Важную роль здесь сыграло развитие теоретической социологии знания в последней трети минувшего столетия, в данном случае – знания о прошлом.

В рамках этого подхода историю-знание можно определить как общественно-научное знание о прошлой социальной реальности. Отсюда следует, во-первых, что история – это не научная «дисциплина», поскольку дисциплины формируются на основе более узкого определения предмета, а часть общественно-научного знания, специфицированная не по предмету или методу, а «по времени» (общественно-научное знание о прошлом). Это позволяет четче определить место истории в рамках общественно-научного знания, но одновременно требует концептуализации различия между настоящим и прошлым. При этом историю как *научное* знание о прошлом следует отличать от знания о прошлом социального мира в целом. Последнее имеет многокомпонентный характер и складывается не только из научного, но и из других форм знания – религиозного, философского, идеологического и эстетического (художественного). На уровне

личности существенную роль играет также неспециализированное обыденное, житейское знание о прошлом, формируемое индивидами на основе собственного жизненного опыта. Все эти типы знания о прошлом имеют самостоятельное значение, характеристики, функции, механизмы формирования, иными словами – способы и результаты конструирования прошлой социальной реальности.

Важную роль в современной концептуализации истории играет понятие социальной реальности. В отличие от распространенного в последние десятилетия «текстологического» подхода, рассматривающего проблему реальности в рамках анализа текстов, мы используем иную концепцию, связывающую реальность не с текстом, а с знанием. Эта взаимосвязь определяется принципиальной особенностью социальной реальности (социального мира), отличающей ее от двух других «реальностей» – божественной и природной. Последние традиционно предполагаются предсущими, внеположенными по отношению к субъекту, существующими «сами по себе», независимо от человека. Не обсуждая справедливость этой посылки в целом, заметим лишь, что она в любом случае не применима к социальной реальности, поскольку последняя возникает только в процессе социальных действий и взаимодействий.

Именно на этом и основана идея о теснейшей взаимосвязи социальной реальности и знания о ней. Дальнейшее развитие этой идеи приводит к радикальному пересмотру представле-

ний о соотношении реальности и знания, в течение тысячелетий применявшихся к миру природы. Со времен античности считалось, что знание – это лишь отражение реальности. В настоящее время эта точка зрения подвергается сомнению даже применительно к природной реальности, и уж в любом случае она неправомерна по отношению к реальности социальной. Знание о социальной реальности одновременно является формой ее конструирования – новые элементы социальной реальности не могут возникать без появления соответствующих понятий или «знаков», обозначающих эти элементы. Социальная реальность дана нам отнюдь не в ощущениях, а в понятиях или знаках. В свою очередь понятия и знаки возникают только в процессе социального взаимодействия и одновременно являются его основой. И в этом смысле существование социально признанного (и тем самым объективированного) знания о прошлом, в первую очередь научного, является непременным условием социального взаимодействия в настоящем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.